

Статьи для «Il popolo d'Italia» (о свободе и умеренных).

Михаил Бакунин

Сентябрь - октябрь 1865.

Оглавление

ПЕРВОЕ ПИСЬМО. Святая Свобода	4
ВТОРОЕ ПИСЬМО. Умеренность у Власти ведет к Реакции	9
ТРЕТЬЕ ПИСЬМО Умеренность в Борьбе обессиливает	13
ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО. Сила Народной Идеи.	16
ПЯТОЕ ПИСЬМО. Умеренность у власти ведет к Реакции. Продолжение.	21

Эти статьи одновременно являются изложением основных идей Бакунина о равенстве и свободе (первое письмо), а также о тактике революционной организации (воинствующей церкви свободы в четвертом письме). Это вместе с тем также есть обращение к, видимо, итальянским демократам, сторонникам Гарибальди или даже самому Гарибальди с советами о том, как поступать с умеренными в политике (второе, третье и пятое письмо).

Оригиналы на французском. Названия придуманы публикатором.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.
Святая Свобода

«Il Popolo d'Italia», 22 сентября 1865, Неаполь.

Письмо из Парижа, опубликованное в вашей газете 2 сентября, содержит серьезную атаку в адрес небольшой газеты под названием «*Candide*», которую писали молодые Парижане и которая была немедленно закрыта по приказу императорской цензуры. Ваш корреспондент, который, впрочем, не кажется горячим поклонником прославленного истребителя мысли и свободы, сегодня правящего во Франции, на этот раз принимает его сторону до такой степени, что почти поздравляет его с тем, что он отомстил за религию и общественную мораль, закрыв газету, написанную молодыми людьми *«без образования и опыта, которые, движимые низкой и виновной тщеславностью, осмелились невозмутимо утверждать вещи, которые сеют вечное сомнение в умах всех честных людей»*.

Признаюсь, я был несколько удивлен, обнаружив в вашей газете поздравления и слова поддержки в адрес опекунской и моральной власти Наполеона III, слова поддержки против свободы, в пользу так называемого права Государств ограничивать человеческую мысль во имя религии, морали и того, что официально называется спокойствием, но что я, со своей стороны, назвал бы публичной смертью. Так не понимают свободу в Англии или в Соединенных Штатах Северной Америки. Там человек действительно свободен. Убежденный в том, что свобода является основой и единственным источником всякой подлинной морали и что она составляет саму сущность человечества, он понимает, что ей можно дать только самое широкое развитие, и с возмущением и ужасом отвергает все пагубные ограничения, которые Государства европейского континента, за исключением Швейцарии, налагают в так называемых интересах официальной морали, которая на самом деле является лишь глубокой систематической безнравственностью. Горе тем нациям, где Государство вмешивается в жизнь народа и свободное мышление индивидуума, даже если это делается во имя самой чистой морали! Сам факт ее навязывания делает ее сразу же аморальной, ибо что же такое мораль, долг и право, как не сама свобода? Какая же политическая и общественная власть, человеческая или божественная, имеет право встать между истиной и мыслью, которая ее ищет?.. Если речь идет о государстве (и это в равной степени относится к республиканскому государству Робеспьера, который во имя Высшего существа казнил гильотиной Эбертистов за то, что они осмелились назвать себя *атеистами*), то, по примеру Робеспьера, вместе со свободой мысли он убьет политическую и социальную свободу страны, которой он управляет, открыв путь к деспотизму Наполеонов.

Эбертисты были атеистами!.. Какое ужасное обвинение, во истину!.. Но знаете ли вы, что атеисты XVIII и XIX веков имели гораздо более твердую веру, чем их верующие современники? Сама идея Бога в сущности состоит только из фундаментальных идеалов человечества: истины, любви, красоты, справедливости и святой свободы. Атеисты верят, что все народы и все люди, живущие на земле, могут достичь их, в то время как ваши так называемые верующие настолько в этом сомневаются, что отдалили их от людей, за пределы пространства и времени, в вымышленное небо, настолько вымышленное, что на самом деле они заботятся о нем гораздо меньше, чем о колебаниях содержания своего кошелька. На чьей стороне мораль и вера, я вас спрашиваю?

Поверьте, что эти религиозные деятели, эти теологи-моралисты, выбираются и защищаются всеми правительствами не за свою веру, а за свое грубое материалистическое неверие и скептическое безразличие ко всем важным вопросам человечества. Этот скептицизм и равнодушие делают их чрезвычайно ценными слугами, готовыми, скорее из эгоизма, чем из убеждения, пресмыкаться перед всеми установленными властями, в то время как их противники, так называемые атеисты, преследуются этими же правительствами не за свой атеизм, а за свою веру.

Последние верят в человечество. Это преступление, я знаю, преступление, которое может разрушить настоящее. Как таковое, оно в высшей степени предосудительно в глазах всех привилегированных и довольных, которые, как новые Иисусы Навины, хотели бы остановить движение солнца и задержать прогресс человечества, чтобы спасти ускользающую от них власть, сохранить свои посты, монополии и привилегии, которые угрожают похоронить их под своими руинами. Но это преступление, поскольку оно разрушает настоящее, одновременно созидает будущее, как в свое время христианство, которое вначале даже евреи осуждали за атеизм и богохульство. Да, эти грозные атеисты сегодня верят в человечество, не обожествляя и не идолопоклоняясь ему. Они верят, что в человеке добро превосходит зло, что справедливость – это не небесный свет, заблудившийся на земле, а сияние внутреннего солнца, присущего человечеству, что для ее признания нужен разум, а для ее осуществления – так сказать, бесконечная свобода, без каких-либо условий и ограничений, кроме тех, которые природа наложила на существование каждого человека, и что, следовательно, для морализации человеческого общества необходимо освободить мысль от ига власти, а нашу волю – от опеки государства.

Они считают, что это государство, как упорядоченная система отношений и вещей, навязанных нам не нашим собственным разумом и не нашей свободной коллективной совестью¹, а извне или сверху, либо во имя закона откровения или божественной власти, как в открыто христианских странах, католических или протестантских, либо от имени запатентованного или привилегированного разума, исключаящего подавляющее большинство народа из своего гордого и ограниченного круга, либо от имени собственности, монополизированной в руках коррумпированного и жадного меньшинства, либо, наконец, от имени грубой силы постоянных армий, как это сегодня наблюдается во многих странах Европы, они считают, что такое государство не создает порядок, а, напротив, беспорядок, постоянную анархию, абсолютную несправедливость и методическое истощение миллионов людей, подчиненных и удерживаемых в тьме силой, в интересах небольшого числа людей, коррумпированных привилегиями. Они считают, что свобода не должна быть венцом, но самой основой и истинным создателем порядка, как политического, так и социального, как промышленного, так и морального, и что любая подлинная организация человеческого общества, которая считает неукоснительное соблюдение индивидуальных и местных свобод *обязательным условием* всеобщей свободы, должна проходить не сверху вниз и не от центра к периферии, а снизу вверх и от периферии к центру. О ужас, эти Эбертисты, эти мнимые атеисты нашего времени, верят, что *труд* не является проклятием или признаком человеческого падения, как мы читаем в Свя-

¹ Или сознанием (conscience).

щенном Писании и как до сих пор доказывает своим устройством все современное общество, но, напротив, что он является величайшей славой, единственный признак достоинства и благородства для человека, который, становясь сам творцом благодаря своему свободному и солидарному, коллективному и индивидуальному труду, в свою очередь преобразует мир и делает его по своему образу и подобию. Они настолько убеждены в этом, что готовы предложить лишить политических прав всех владельцев капитала, земли или ренты и, напротив, предоставить эти права всем без исключения рабочим, что прямо противоположно тому, что происходит в современном мире, где труд обесценивается в пользу праздности и прискорбной роскоши.

Короче говоря, всю мораль этих новых Эбертистов, *«вдохновленных низким и греховным тщеславием»*, можно выразить в нескольких словах.

Первый закон – будь свободен и уважай, люби, пробуждай, защищай при необходимости и цени свободу других.

Ведь свобода всех людей, далеко не являясь отрицанием или даже ограничением твоей свободы, как утверждали теологи и даже деистические философы школы Жан-Жака Руссо, напротив, является ее необходимым подтверждением, триумфом и расширением до бесконечности.

Свобода каждого человека обязательно предполагает свободу всех, а свобода всех становится возможной только благодаря свободе каждого.

Не может существовать свободы, чуть меньшей, чем у других, без того, чтобы сразу же не появились признаки рабства. Не существует настоящей свободы без равенства не только в правах, но и в реальности. Свобода в равенстве – вот что такое справедливость.

Принцип свободы – это не только право каждого человека, но и принцип солидарности, справедливости и любви.

2-й закон – Трудись и производи, ибо без труда нет чести, достоинства, прав, свободы или человечности для человека.

И, повторяя слова великого апостола Святого Павла, *«кто не работает, тот не ест»*.

Ведь, как прекрасно доказали экономисты, люди очень умеренные и консервативные, как всем известно, только труд производит богатство. Таким образом, тот, кто существует и наслаждается жизнью, не работая, пользуется благами и трудом других и не живет своим трудом. Да, друзья мои! Все мы, в этом веке неравенства и прибыли, все мы, кто не является рабочими и не носит одежду и, главное, не несет ежедневного бремени народа, мы все в той или иной степени живем за счет других!

Объединяйтесь, чтобы работать и производить, потому что объединение стократно усиливает силу каждого. Свободная Ассоциация рекомендуется не в силу политического закона, который не имеет ничего общего с вашими решениями, а в силу экономического закона, признанного вашим собственным разумом и являющегося выражением самой сути вещей. Вы совершенно свободны не объединяться, но, поступая так, вы обрекаете свой труд на бессилие и бесплодность и обрекаете себя на бедность.

Свобода и Труд, Разум и Справедливость – вот четыре основных догмата этих молодых фанатиков-гуманистов. По их мнению, понимание этих догматов и составляет всю моральную науку. Их практическое применение – вся добродетель.

И они надеются, что благодаря этим четырем словам смогут поднять и преобразовать мир.

Француз

ВТОРОЕ ПИСЬМО.
Умеренность у Власти ведет к
Реакции

Только это письмо озаглавлено как «второе письмо», остальные без названия.
Неаполь, 30 сентября

Уважаемый господин Директор,

Ничто не удивляет больше, чем гнев вашего парижского корреспондента по отношению к молодым людям, которых он без колебаний обвиняет в низком и греховном тщеславии только за то, что они осмелились невозмутимо утверждать вещи, которые, по его мнению, «сеют вечное сомнение в умах *всех честных людей*».

Читая эти последние слова, я невольно вспомнил о ценном сочинении «*Слова Лабиена*», которое является не только шедевром, но и, прежде всего, самым благородным поступком 1865 года. «С каких пор, – спрашивает Лабиен, – с каких пор разбойники пишат книги?». И его собеседник отвечает ему: «С тех пор, как *честные люди* стали императорами». В этом заключается вся история *честных людей* нашего века. Ах, господин, какая печальная история! Они потеряли все, предали все: веру своей молодости, свои клятвы, свободу, родину... но в обмен на это они спасли, наряду со своей жизнью и кошельком, меру собственной важности.

Ваш корреспондент прав, говоря об их вечных сомнениях. Они сомневаются во всем, кроме себя. Сомневаться – их профессия! Спросите их, белое это или черное. Они всегда ответят, что серое. Серый – цвет всех их мыслей, всех их поступков. Это ни невинность, ни преступление; это не правда, но и не абсолютная ложь; это нечто среднее, бесцветное, неопределенное, лицемерное, находящееся между двумя крайностями. Они называют это мудростью. Мы будем называть это более точно бессилием и трусостью.

Эта мягкость сердца является причиной того, что многие, желая угодить всем, в результате ничего не достигают ни с кем. Это корыстный расчет, который мешает им четко и честно выражать свое мнение по самым простым вопросам, откровенно следовать за какой-либо партией. Ведь если бы они более энергично выражали свои убеждения и политические взгляды, они боялись бы поставить себя в опасное положение, лишиться благосклонной защиты сильных мира сего и навлечь на себя их грозную вражду, поскольку тем самым рисковали бы утратить преимущества, которые могли бы им предоставить другие обстоятельства... Наконец, это вечное колебание между всеми идеями и всеми партиями, столь пагубное при принятии решений, столь постыдное для тех, кто им мучается, столь развращающее для других, можно объяснить только полным отсутствием чувств или, если угодно, благородных страстей, неспособностью серьезно убедиться в какой-либо идее и забыть о жалком маленьком «НО», со всем, что оно подразумевает в плане личных интересов, амбиций и тщеславия на службе великого дела.

Эти честные люди обычно чрезмерно тщеславны. И нет в этом ничего более естественного. Лишенные каких-либо других страстей, они влюблены в самих себя и, не имея других культов, поклоняются только своей дорогой персоне. Таким образом, они часто опаснее самых больших злодеев, которые почти всегда служат инструментом и фактически считаются таковыми либо из-за своего тщеславия, либо из-за своей трусости, либо из-за того и другого. Во все времена отрицательные и

пассивные добродетели и амбициозная беспомощность *честных людей* были мостом, ведущим откровенных злодеев к власти.

Открытые злодеи могут открыто править только в деспотических государствах, поскольку они могут добиться признания только силой. Но в странах, которые хвастаются своей свободой или, по крайней мере, пытаются ее имитировать, и где обман народа с целью его угнетения является профессией, злодеи используют *честных людей*, чтобы не ставить под угрозу свое дело и более надежно достигать своих целей. Удовлетворенные всеми этими данями уважения их важности, честные люди редко отказываются отвечать на этот призыв. Обычно они настолько тронуты, что даже готовы поклясться, что злодеи не так плохи, как о них думают. В них есть хорошее, говорят они удивленному народу, нужно только правильно ими руководить. Они наконец поняли бессилие прежнего правительства и изменили свое мнение, поскольку пригласили нас к власти. Наконец-то мы здесь, теперь мы гарантируем все, и пока мы будем здесь, вы можете жить, будучи уверены, что больше не будет совершаться никакого зла. Нелепое поручительство, глупо сияющее тщеславие этих людей были бы чрезвычайно забавны, если бы их последствия не были столь серьезными. Придя к власти, они считают себя ее хозяевами, но на самом деле являются лишь марионетками. Слишком слабые и слишком занятые собой, чтобы докопаться до сути ситуаций и вещей, они довольствуются речами и никогда не замечают, что во имя самых либеральных интересов их заставляют совершать самые реакционные поступки. Первое, что они требуют от партий, своих вчерашних друзей, ставшими сегодня их подданными, – это дезорганизоваться, разоружиться и уничтожить силы, которые привели их к власти и помогли удержаться на ней. «Мы достигли цели, – говорят они, – чего же вам еще нужно? Высшая цель борьбы достигнута, и разве наше пребывание у власти не является для вас лучшей гарантией? Так вложите же мечи в ножны, доверьтесь нашему слову и вернитесь к своим повседневным делам. Если вы будете и дальше сохранять свою воинственную позицию, вы только поставите в затруднительное положение новое правительство, которому нужно укрепиться, и помешаете ему осуществить все те великие реформы, которыми мы хотим одарить нацию».

Если партии имеют несчастье верить им и подчиняться им, то реакция, вновь торжествующая и более реакционная, чем когда-либо, без колебаний возвращается к власти. Если же, напротив, они сопротивляются им, то эти смелые люди, уязвленные как в своих амбициях, так и в своем тщеславии, обрушатся на них с проклятиями и, если почувствуют себя достаточно сильными, чтобы рискнуть, нанесут им жестокий и диктаторский удар, заставив замолчать принципы и заговорив насилием, узаконив самые произвольные меры, всегда, как они утверждают, в интересах самой дорогой свободы. «Вотум доверия, чрезвычайные меры, временная диктатура». Таковы их слова и их любимые средства. Во имя этого доверия, которое, как они утверждают, они заслужили, они никогда не упускают возможности требовать для себя исключительного, неслыханного права на временный деспотизм, который, по их утверждению, необходим для спасения общественных дел.

И если им дать волю, то, проявляя осторожность за осторожностью, идя на компромисс за компромиссом, они в конце концов неизбежно убьют революцию и восстановят всемогущество свергнутого деспотизма. Затем, когда предательство

окончательно свершится и они станут ненужными, если в них еще останется хоть капля честности, их изгонят, а если они, цепляясь за власть, останутся, то в свою очередь проявят себя как откровенные профессиональные негодяи.

Француз

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО
Умеренность в Борьбе
обессиливает

Неаполь, 4 октября

Уважаемый Директор,

В своем предыдущем письме я постарался описать неизбежную карьеру, которая ждет честных людей с того момента, как они приходят к власти. Что же касается тех, кто еще не достиг этой цели, то их тактика всегда и везде одинакова. Сначала они добиваются признания демократии как благодаря своей репутации личной и частной честности, которую по большому неправомерному заблуждению путают с политической честностью², так и благодаря политическому и общественному влиянию, которое дают им их происхождение, должность и богатство. Кроме того, они исповедуют все ваши взгляды и часто заявляют, что они более демократичны, чем вы сами. Однако, будучи мудрее, терпимее и практичнее вас, они откладывают на более благоприятное время реализацию идеала, который сегодня невозможен, и в обмен на свою платоническую симпатию, которую они щедро дарят вам, на самом деле просят вас пожертвовать во имя целесообразности всем, что составляет суть, веру и саму силу вашей партии. И все это для того, чтобы торжествовала система, полностью противоположная тому, чем вы являетесь, и всем потребностям демократии. Трудные уроки недавнего прошлого должны были бы предостеречь вождей демократической партии от таких альянсов, основанных на взаимной лжи, которые всегда оказывались столь пагубными для дела свободы. Что ж, однако и сегодня часто случается, что, подгоняемые нетерпением высказаться и действовать, они, вероятно, не осознавая, что для того, чтобы быть принятыми завтра, им сегодня нужно смириться с бессилием, инертностью и кажущейся никчемностью, забывают, в сотый раз, что сила демократической партии всегда и гораздо больше зависит от чистоты ее принципов, твердости ее организации и энергичной, умной и искренней веры, чем от заявленного числа ее членов, вожди демократии верят, что совершают великий политический поступок, жертвуя силой идеи ради видимости количества. Кроме того, уверенные в себе и видя печальный вид, который обычно имеют эти неуверенные и робкие существа, которых называют «честными людьми», они считают, что, объединившись с ними, они найдут не равных, а слуг. Они не осознают, что сами назначают себе хозяев, потому что честные люди, которые сами по себе не имеют никакого значения, поддерживаются и продвигаются вперед страшной и сплоченной фалангой злодеев, всегда готовой к бою, всегда верной своим принципам, над которой можно победить, только используя весь арсенал демократической мысли во всем ее величии и великолепии.

² Политическая честность, как доказывает древняя и современная история, несомненно, предполагает личную честность, но она не является ее необходимым следствием. Политическая честность проистекает прежде всего из глубоких и горячих убеждений и чрезвычайно ясных и твердых политических принципов, которые никоим образом не являются необходимыми для честности собственника, торговца, промышленника или главы семьи. Это объясняет, как люди, отличающиеся большой частной честностью, могут превращаться в негодяев в политической жизни. Вырванные из привычной среды, перенесенные в новый мир, условия и законы которого им неизвестны, они естественным образом теряют представление о добре и зле и становятся нечестными как из-за невежества и теоретической неопределенности, так и из-за слабости характера. (прим. авт.).

Эти безнравственные альянсы всегда неизбежно приводили к коррупции и дезорганизации партии, борющейся за демократию. Эта партия, целью которой является полное политическое и социальное освобождение трудящихся масс, возвышение и окончательная победа народа и, следовательно, радикальная отмена всех монополий, всех привилегий, всех фактических и юридических превосходств, как аристократических, так и экономических, которые сегодня поработывают подавляющее большинство населения и несправедливо обогащают лишь небольшое число людей, и которая, наконец, стремится к равенству, то есть к свободе и справедливости для всех, демократия, за исключением нескольких почетных исключений, может найти своих самых горячих и искренних сторонников только в народе. Вне его, в обществе привилегированных, их число всегда будет относительно невелико.

В природе любого привилегированного состояния лежит стремление заставить тех, кто извлекает из него выгоду, любить несправедливость. Существуют исключительные исключения, но они редки, и если составить список привилегированных, называющих себя демократами, то в нем будет мало тех, кто является полностью демократами, независимо от их доброй воли. Человек устроен так, что для того, чтобы быть полностью добрым, он должен развиваться в столь же добром обществе, и, прежде всего, его происхождение и условия существования не должны противоречить справедливости. Поскольку человек по своей сути солидарен и социален, его личная мораль зависит, если не абсолютно, то по крайней мере в значительной степени, от среды, в которой он родился, в которой он вырос, которая его питает и в которой он продолжает жить. И если речь идет о привилегированном классе, то есть классе угнетения, несправедливой наживы и злоупотреблений, несправедливость будет перенесена в его кровь, в его кости, в его органы и во все его привычки, как своего рода наследственный грех, до такой степени, что он будет чаще всего почитать ее как право и даже не поймет, что против нее можно восстать. Потребуется гигантские усилия, чтобы действительно и полностью освободить его от этого несчастного наследия и этой роковой солидарности! Чтобы победить в этой внутренней борьбе, нужна глубокая любовь к справедливости, честный ум и большое сердце.

Француз

**ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО.
Сила Народной Идеи.**

Написано в сентябре-октябре 1865 года

Неаполь, 22 октября

Уважаемый господин директор,

Я полагаю, что в своем предыдущем письме³ я указал истинную причину, по которой искренние демократы так редки в аристократии и буржуазии. Среди них, особенно среди молодых людей, все еще встречаются люди, способные на великие жертвы и героическую борьбу за политические свободы, за честь и, прежде всего, за независимость своей родины. Однако с 1830 года это стало гораздо редким явлением, а с 1849 года во Франции и с 1860 года в вашей стране – еще реже. Среди современных «политиков» еще больше тех, кто наивно называет себя демократами и действительно верит в это, потому что они привыкли всегда говорить от имени народа, пользоваться его силой и использовать ее для достижения своих личных амбиций или интересов своего класса или партии, никогда ничего не делая для народа. Но очень немногие из них понимают и искренне принимают серьезные условия подлинного освобождения народа, те, кто чувствуют необходимость коренных преобразований, не только политических, но и экономических и социальных, без которых свобода всегда будет пустым словом для народа.

Надеюсь, вы позволите мне вернуться к этой важной теме в следующих письмах. На данный момент я просто хочу продемонстрировать явление, о котором вы, несомненно, давно знаете благодаря своему большому политическому опыту. Поскольку оно далеко не обнадеживающее, оно должно быть открыто обсуждено и незамедлительно изучено всеми истинными демократами: *число наших единоверцев, практически равное нулю в аристократических слоях общества, очень редко встречается в буржуазии.*

Но чем реже встречаются демократы, принадлежащие по рождению к привилегированным классам, тем ценнее они становятся. Их число также не соответствует тому потенциалу, который они представляют для будущего. Религия Христа, также направленная против привилегированных слоев общества своего века и преследуемая всеми властью имущими и почти всеми богатыми, в начале насчитывала всего двенадцать защитников, двенадцать апостолов, среди которых был один предатель, подобный Криспи или Мордини, которые еще вчера были вашими союзниками, а сегодня выступают против вас. Но ведь этих двенадцати апостолов хватило, чтобы завоевать мир. И если они достигли этого, то не благодаря своей мудрости и столь хваленой практической компетентности, а благодаря героическому безумию, абсолютному, неукротимому, непреклонному характеру своей веры во всемогущество своего принципа и потому, что, отвергая ложь и хитрость, они объявили открытую войну, без компромиссов и уступок, всем религиям, противостоящим их религии или просто отличающимся от нее. Они победили, потому что имели мужество изгнать из своих рядов всех Евреев, всех нерешительных.

Число истинных демократов в буржуазии намного превышает число первых апостолов. Я думаю, что их можно насчитать несколько тысяч по всей Европе.

³ Смотреть №295 журнала. (прим. авт.).

Если бы они должны были сформировать конституционную и парламентскую партию, их было бы очень мало, почти не было бы, даже если бы все искренние сторонники демократии, сегодня разбросанные по всей Европе, были собраны в одной стране. Но эти несколько тысяч умных людей, горячо преданных своему делу, которому они полностью посвятили себя, представляют собой живую силу, способную подготовить триумф великого народного дела и распространить в мире, и особенно среди масс, демократическую идею истинной, великой свободы, равной свободы по праву и по факту для всех людей. При правильном руководстве и организации эта сила может стать огромной. Она образует, так сказать, воинствующую церковь демократии, церковь, почти все члены которой бедны, неизвестны, занимают скромное положение в нынешней социальной иерархии и *не стремятся обрести для себя более высокое положение*, и которые, лишенные всяких личных амбиций, стремятся только к праву и достоинству для всех, к делу демократии, к народу. Единственная сила этих людей – их ум, всегда смело стремящийся к истине, ум, всегда последовательный, строгий, спокойный, который, презирая все утешения лжи, или, скорее, все ее слабости, все трансцендентные иллюзии романтизма, метафизики и теологии, находит свое достоинство, свое счастье и свою свободу в истине. Их сила – в их страсти к справедливости, в их горячей вере в человечество; это безграничная преданность, которая делает их героями без показности и без слов; это, наконец, их взаимная дружба, эта глубокая и тесная солидарность, которая рождается из идентичности их убеждений, их страсти и их цели и благодаря которой, в этом враждебном им мире, каждый является для всех, а все является провидением для каждого.

Сила этой воинствующей церкви заключается исключительно в ее идеале: это сила идеи. Отсюда следует, что каждый раз, когда она предаёт, ограничивает, искажает или просто завуалирует свою идею, она наносит ущерб тому, что составляет ее смысл, ее настоящее, ее будущее и саму цель ее существования. Материальная сила демократии заключается не в ней самой, а исключительно в народе. Народ – единственный демократ, чья сила проистекает не только из идеи, но и из того факта, что он является демократом, не зная об этом. Само его состояние является демократическим: его стремления, интересы и потребности также должны быть демократическими. По сути, демократическая идея – это не что иное, как осознание или сформулированное, сконцентрированное, скоординированное и понятное выражение этого огромного явления: существования и инстинкта народа. Когда народ чувствует себя таковым и действует как таковой, он всемогущ; ничто не может противостоять его воле. Его слабость заключается в его разобщенности и невежестве. Разделенный на бесчисленные группировки и, так сказать, отчужденный от самого себя заботами повседневной жизни, гнувшийся под тяжестью работы, которая приносит прибыль другим, плохо оплачиваемый и зарабатывающий едва ли достаточно, чтобы прокормиться; лишенный досуга и образования, едва умеющий или не умеющий читать и писать, практически лишенный средств для общения или развития своих мыслей и не имеющий даже времени для размышлений, народ, за исключением тех великих, но редких исторических моментов, когда в нем пробуждаются чувство и сознание себя, народ, таким образом, не осознает свою силу. Потому что он не имеет *идеи*, которая, как я уже отмечал выше, является ни чем иным, как сосредоточенным выражением, вырывающимся из глубин его существа.

Священная миссия, я бы даже сказал, единственная миссия воинствующей церкви демократии, этой церкви без мистицизма, которая заменяет культ власти культом разума и свободы, состоит в том, чтобы донести эту идею до народа и познакомить его с ней, несмотря на все противоположные, неустанные и корыстные усилия официальных церквей, государства и всех привилегированных классов. Вне народа просвещенная демократия ничего не может предпринять, потому что несколько тысяч человек, разбросанных по Европе, не составляют достаточную материальную силу для каких-либо действий. Со своей стороны, несмотря на свою гигантскую материальную мощь и бесчисленные массы, народ, брошенный на произвол судьбы, будет вечно обманываться и подвергаться жестокому обращению со стороны своих вечных обманщиков, поскольку он будет лишен того света, который может показать ему путь и средства спасения. Разделенные друг от друга, народ и просвещенная демократия будут бессильны, а объединенные – непобедимы.

Демократия должна в первую очередь идти к народу и быть им принята. Инициатива по праву принадлежит идее; поэтому именно она должна сделать первый шаг. Какой бы неразработанной она ни была, если она изложена величественно и просто, с полным и откровенным изложением ее последствий и практического применения, она никогда не пройдет мимо души народа и будет встречена им с восторгом, потому что она выражает и стремится только к его свободе, его праву и его спасению. Необходимо только, чтобы те, кто ее приносит, соединяли индивидуальную и практическую искренность с теоретической истиной.

Сегодня народ недоверчив, и у него есть тысяча причин для этого, потому что его так часто обманывали. Но, несмотря на это недоверие, он редко не признает своих друзей, при условии, что у них было время заявить о себе. Как дети, он любит и угадывает тех, кто его любит. Он слушает их, следует за ними и отдает им всю свою силу в обмен на их дружбу. Просто никогда не следует обманывать его и не следует с ним хитрить.

Когда он просит вас о свободе и хлебе, никогда не предлагайте ему камни вместо еды и не пытайтесь усыпить его баснями о конституционализме или величии и славе государства. Он отвернется от вас с недоверием и презрением, потому что он ничего не понимает во всей этой трансцендентной политике, которая, кажется, говорит ему о свободе и правах только для того, чтобы подчинить его новому и более жесткому игу. Он не верит во все эти тонкости, интриги, мелкие и крупные злодеяния. Всегда справедливый и сильный, его инстинкт презирает их. Чтобы привлечь его, чтобы обратиться к его разуму, воображению и сердцу, нужно сказать ему всю правду, широко и просто, и только правду. Партия, которая хочет иметь честь вести его, должна отказаться от всех трусливых уступок и нечестных компромиссов, она должна всегда высоко держать свое знамя и никогда не скрывать его, никогда не молчать, никогда не преуменьшать и не маскировать свои принципы. Только так она сможет показать ему, что является его другом.

Таковы абсолютные условия нынешней силы и всего будущего демократической партии. Но эти условия ни в коей мере не исключают возможности союза, даже временной коалиции, с любой партией, даже если это все еще партия «честных людей».

(Француз)

ПЯТОЕ ПИСЬМО.

**Умеренность у власти ведет к
Реакции. Продолжение.**

Уважаемый господин Директор!

Я должен раз и навсегда закончить с «честными людьми».

Они действуют по-разному в зависимости от состояния партии, которую они намерены истощить или коррумпировать. Когда партия, я бы не сказал демократическая, а национальная, или, как у вас говорят, партия действия, когда великодушные патриоты, устав видеть свою страну погрязшей в позоре или толкаемой к пропасти катастрофической политикой, уходят от ядовитого влияния, которым их хотели окружить, позволяют вести себя только своим патриотическим порывом и героизмом и наконец решаются на какой-то великий акт революции и спасения – несомненно рискованный, как все смелые предприятия, но необходимый, даже незаменимый, если не хочется погибнуть в грязи – можете быть уверены, что даже в эти дни высшего кризиса, когда не остается иного выбора, кроме героического действия или верной гибели родины, «честные» люди всегда будут противостоять этому действию всем своим влиянием. Если они никогда не уверены, что два плюс два равняется четырем, как они могут верить в благоприятный исход предприятия, шансы на успех или провал которого равны или которое, возможно, даже стартует в невыгодном положении? В отличие от героических сумасбродов, которые никогда не утруждают себя подсчетом сил своих врагов, они всегда преувеличивают их и преуменьшают силы народной партии. Если бы их слушали, они бы вечно медленно готовились к действию, но так и не предприняли бы ничего. Кроме того, одно только слово «действие» нарушает их покой, раздражает их неизлечимую трусость, как угроза, как оскорбление. Подгоняемые своей нечистой совестью и страхом, они приложат все усилия, чтобы помешать героизму других, не упуская ничего: ни молитв, ни ложных обещаний, ни угроз, ни даже доносов. Мы видели недавние примеры этого во время последней революции в Польше.

Если, несмотря на все их усилия, партия действия поднимется и, к несчастью, потерпит поражение, то «честные люди» объединятся с ее жестокими преследователями и будут распространять о ней самые гнусные клеветы, чтобы доказать миру, что они никогда не имели ничего общего с этой несчастной партией.

Но если его первый шаг окажется удачным и даст ему шанс на успех, честные люди, слишком осторожные, чтобы подвергать себя опасности, открыто заявив о своей поддержке, сразу же начнут интриговать. Нетерпеливые проявить себя и воспользоваться событием, которое они пытались предотвратить, и кровью, пролитой другими, они, без чьего-либо приглашения, сделают все, чтобы встать посредниками между установленной властью и восставшей партией, и приложат все свои деморализующие, коррумпированные и лицемерные силы, чтобы озадачить и разделить эту партию, убить ее веру в себя, заставить ее усомниться в своих силах и своем деле, заставить ее искать невозможную поддержку и союзы в рядах своих врагов, наконец, заставить ее отступить с единственного пути, способного превратить ее первоначальный успех в триумф. И если они преуспеют в этой гнусной игре, они умоют руки, заявив: «Мы это предвидели!».

Но если, несмотря на все их махинации, победит партия революции, то, раскаявшись и обратившись в последнюю минуту, они будут бежать к ней, смиренные, умоляющие, ласковые. Тогда партии следует опасаться, если она поддастся трусливому преступному состраданию и предоставит им хотя бы малейшую должность в новой организации, завоеванной вопреки их воле! Смиренные вчера, успокоенные сегодня, они станут наглыми завтра и, становясь с каждым днем все более важными, в конце концов изгонят до последнего патриота, всегда во имя этой пресловутой мудрости и честности, всегда для блага страны. Они присвоят себе заслуги партии, а сами, будучи полужлодеями и к тому же неспособными удержать какую-либо должность, передадут эти заслуги в руки законченных злодеев.

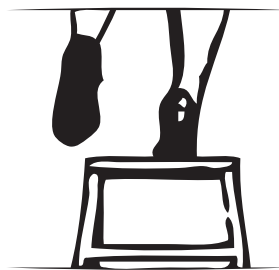
Разве это не история ваших «честных людей» из Италии 1848 и 1849 годов, до и после экспедиции в Сицилию и после катастрофы в Аспромонте⁴, Господин Директор?

Разве не честные люди вчерашнего дня, сегодня маскирующиеся под злодеев, продают Италию Наполеону III и папе во имя свободы и отказываются от Венеции и Рима во имя патриотизма? И не боитесь ли вы, что те, кто сегодня называют себя «честными людьми», бесцветные, серые, *честные демократы*, рано или поздно последуют их примеру?

Француз

⁴ Бой при Аспромонте, также известный как День Аспромонте 29 августа 1862 года – боевое столкновение отряда добровольцев Джузеппе Гарибальди, атакованного итальянской королевской армией во время марша из Сицилии в сторону Рима, столицы Папской области, которую они намеревались присоединить к недавно созданному Итальянскому королевству. Сражение было проиграно.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Статьи для «Il popolo d'Italia» (о свободе и умеренных).
Сентябрь - октябрь 1865.

IISG

ru.anarchistlibraries.net